

ТОЛСТОЙ, РЕЛИГИЯ И БУРЖУА

В статье "Социализм и религия" Ленин повторяет слова Маркса: "Религия есть опиум народа". Маркс же кратко излагал мысль немецкого писателя Новалиса. «Ваша так называемая религия действует как опиум: она завлекает и приглушает боли вместо того, чтобы придать силу», - писал Новалис в 1798 году.

Далее Ленин пишет: «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду.»

Официально Конституция РФ – ограждает от оголтелой религиозной пропаганды. Ст. 13 п. 2 Конституции гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Ст. 14 п.1: «РФ – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Ст. 14 п. 2: «Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Но это ничего не значит. Вот выдержка из учебника 4-го класса государственной российской школы: Основы религиозной культуры: «Как поступить, если, например, вас обидели – ударили, обозвали, толкнули? Дать сдачи, отомстить? А Христос учил: «НЕ противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас». Учебник «Основы православной культуры» протоиерея РПЦ А. Кураева официально рекомендован Министерством образования и науки России.

Чему же учит бог народ Израилев устами Моисея при нападении на другие страны и народы? "17 итак убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте; 18. а всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа (32 тысячи), оставьте в живых для себя;" (Ветхий Завет, Числа, 31: 7-18, с. 141).

Официально Лев Толстой – наше всё, как и Пушкин. Однако это ничего не значит.

На основании проведенной экспертизы Ростовский областной суд признал цитату из «Ответа Синоду» Льва Толстого: «Я убедился, что учение [Русской православной] церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения» — высказыванием, содержащим признаки экстремизма. Решением Ростовского областного суда от 11.9.2009 на основании данной экспертизы, проведенной Татьяной Касьянюк, Сергеем Шипшиным и Сергеем Астаповым, статья «Говорящие по-русски дорожат свободой вероисповедания» (Пробудитесь! 22.2.2000, с. 22), содержащая данное высказывание, была признана одним из экстремистских материалов. 8.12.2009 Верховный суд РФ оставил в силе решение Ростовского областного суда о признании данной статьи «экстремистским материалом».

Казалось бы, Толстой отстаивает какое-то истинное христианское учение. Но его письмо Дворянскому указывает на нелепость религии вообще:

"Мы так привыкли к этой религиозной лжи, которая окружает нас, что не замечаем всего того ужаса, глупости и жестокости, которыми переполнено учение церкви; мы не замечаем, но дети замечают, и души их неисправимо уродуются этим учением. Ведь стоит только ясно понять то, что мы делаем, обучая детей так называемому закону божию, для того, чтобы ужаснуться на страшное преступление, совершаемое таким обучением. Чистый, невинный, не обманутый еще и еще не обманывающий ребенок приходит к вам, к человеку, пожившему и обладающему или могущему обладать всем знанием, доступным в наше время человечеству, и спрашивает о тех основах, которыми должен человек руководиться в этой жизни. И что же мы отвечаем ему? Часто даже не отвечаем, а предворяем его вопросы так, чтобы у него уже был готов внушенный ответ, когда возникнет его вопрос.

Мы отвечаем ему на эти вопросы грубой, несвязной, часто просто глупой и, главное, жестокой еврейской легендой, которую мы передаем ему или в подлиннике, или, еще хуже, своими словами. Мы рассказываем ему, внушая ему, что это святая истина, то, что, мы знаем, не могло быть и что не имеет для нас никакого смысла, что 6000 лет тому назад какое-то странное, дикое существо, которое мы называем богом, вздумало сотворить мир, сотворило его и человека, и что человек согрешил, злой бог наказал его и всех нас за это, потом выкупил у самого себя смертью своего сына, и что наше главное дело состоит в том, чтобы умилостивить этого бога и избавиться от тех страданий, на которые он обрек нас.

Нам кажется, что это ничего и даже полезно ребенку, и мы с удовольствием слушаем, как он повторяет все эти ужасы, не соображая того страшного переворота, незаметного нам, потому что он духовный, который при этом совершается в душе ребенка. Мы думаем, что душа ребенка — чистая доска, на которой можно написать все, что хочешь. Но это неправда, у ребенка есть смутное представление о том, что есть то начало всего, та причина его существования, та сила, во власти которой он находится, и он имеет то самое высокое, неопределенное и невыразимое словами, но сознаваемое всем существом представление об этом начале, которое свойственно

разумным людям. И вдруг вместо этого ему говорят, что начало это есть не что иное, как какое-то личное самодурное и страшно злое существо — еврейский бог. У ребенка есть смутное и верное представление о цели этой жизни, которую он видит в счастье, достигаемом любовным общением людей. Вместо этого ему говорят, что общая цель жизни есть прихоть самодурного бога и что личная цель каждого человека - это избавление себя от заслуженных кем-то вечных наказаний, мучений, которые этот бог наложил на всех людей. У всякого ребенка есть и сознание того, что обязанности человека очень сложны и лежат в области нравственной.

Ему говорят вместо этого, что обязанности его лежат преимущественно в слепой вере, в молитвах - произнесении известных слов в известное время, в глотании крошки из вина и хлеба, которая должна представлять кровь и тело бога. Не говоря уже об иконах, чудесах, безнравственных рассказах Библии, передаваемых как образцы поступков, так же как и об евангельских чудесах и обо всем безнравственном значении, которое придано евангельской истории. Ведь это все равно, как если бы кто-нибудь составил из цикла русских былин с Добрыней, Дюком и др. с прибавлением к ним Еруслана Лазаревича цельное учение и преподавал бы его детям как разумную историю. Нам кажется, что это неважно, а между тем то преподавание так называемого закона божия детям, которое совершается среди нас, есть самое ужасное преступление, которое можно только представить себе. Истязание, убийство, изнасилование детей ничто в сравнении с этим преступлением.

Правительству, правящим, властвующим классам нужен этот обман, с ним неразрывно связана их власть, и потому правящие классы всегда стоят за то, чтобы этот обман производился над детьми и поддерживался бы усиленной гипнотизацией над взрослыми; людям же, желающим не поддержания ложного общественного устройства, а, напротив, изменения его, и, главное, желающим блага тем детям, с которыми они входят в общение, нужно всеми силами стараться избавить детей от этого ужасного обмана..." ((Собр. соч. в 22 т. Т.19. Письма. 362. А. И. Дворянскому, 1899).

И еще: «... люди живут так, как все живут, а живут все на основании начал, не только не имеющих ничего общего с вероучением, но большею частью противоположных ему; вероучение не участвует в жизни, и в сношениях с другими людьми никогда не приходится сталкиваться и в собственной жизни самому никогда не приходится справляться с ним; вероучение это исповедуется где-то там, вдали от жизни и независимо от нее. Если сталкиваешься с ним, то только как с внешним, не связанным с жизнью, явлением» («Исповедь»).

И еще: «Ужаснейшее, не перестающее, возмутительное кощунство — в том, что люди, пользуясь всеми возможными средствами обмана и гипнотизации, — уверяют детей и простодушный народ, что если нарезать известным способом и при произнесении известных слов кусочки хлеба и положить их в вино, то в кусочки эти входит бог; и что тот, во имя кого живого вынется кусочек, то будет здоров; во имя же кого умершего вынется такой кусочек, то тому на том свете будет лучше; и что тот, кто съест этот кусочек, в того войдет сам бог» (<https://ru.citaty.net/avtory/lev-nikolaevich-tolstoi/tsitaty-o-boge/>).

Тем не менее, Ленин характеризует мировоззрение писателя двояко:

«С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны - помещик, юродствующий во Христе». Действительно, две части фрагмента текста Толстого взаимно уничтожают друг друга, он пишет, что признание "цивилизации" благом есть "воображаемое знание", которое «уничтожает инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре". "Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, - Всемирный Дух, проникающий нас» ("Люцерн", 1857, Соч., II, 125).

«С одной стороны, - продолжает Ленин, - замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, - с другой стороны, "толстолец", т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: "я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками".

С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, - юродивая проповедь "непротивления злу" насилием.

С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; - с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности - попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. ...

Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, - и поэтому совсем мизерны заграничные и русские "толстовцы", пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции. ...

Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа па все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала "ходателей", - совсем в духе Льва Николаича Толстого! И, как всегда бывает в таких случаях, толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков в переднюю Столыпина, кланчили, торговались, примиряли, обещали примирить, - пока их не выгнали пинком солдатского сапога.

Толстовские идеи, это - зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости "хозяйственного мужичка".

Возьмите солдатские восстания 1905-1906 годов. Социальный состав этих борцов нашей революции - промежуточный между крестьянством и пролетариатом. Последний в меньшинстве; поэтому движение в войсках не показывает даже приблизительно такой всероссийской сплоченности, такой партийной сознательности, которые обнаружены пролетариатом, точно по мановению руки ставшим социал-демократическим. С другой стороны, **нет ничего ошибочнее мнения, будто причиной неудачи солдатских восстаний было отсутствие руководителей из офицерства.** Напротив, гигантский прогресс революции со времен Народной воли сказался именно в том, что за ружье взялась против начальства "серая скотинка", **самостоятельность** которой так напугала либеральных помещиков и либеральное офицерство. Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу; его глаза загорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, - но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо - совсем в духе Льва Николаича Толстого! («Лев Толстой как зеркало русской революции», Пролетарий, 1908, 11(24) сентября, № 35)

Не о нашем ли времени пишет Ленин?

***

Народовольцы вели героическую борьбу против самодержавия, но исходили из ошибочной теории об "активных" героях и "пассивной" толпе. Как пишет Ленин в статье «Памяти Парижской коммуны, все усилия народовольцев разбились о стену равнодушия масс.

Но уже к 1-й русской революции не было равнодушия масс, причем без всяких народовольцев: «Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника».

Ленин уверен: «Только тогда добьётся русский народ освобождения, когда поймёт, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, - у пролетариата» (Толстой и пролетарская борьба, "Рабочая Газета" №2, 18 (31) декабря 1910 г.).

Так ли дело обстоит сегодня?

С одной стороны, Ленин и Толстой пишут будто бы о современной России.

В статье «Л. Н. Толстой и его эпоха» (Звезда, 1911, 22 января (4 февраля), №6, подпись: В. Ильин) Ленин цитирует Толстого: «... в статье 1862 года, объявляющей, что университеты готовят только "раздраженных, больных либералов", которые "совсем не нужны народу", "бесцельно оторваны от прежней среды", "не находят себе места в жизни" и т. п. (IV, 136-137).

С другой стороны – увы.

Массы ненавидят чиновника – но в первую голову благодаря пропаганде наших запродаанных Вашингтону либералов, которых они тоже научились ненавидеть.

Массы не понимают связи между чиновником и буржуа, не понимают, что чиновников ставят именно буржуа, на деньги буржуа избираются депутаты, сверх того, сами чиновники являются буржуа, бизнесменами. С подачи Вашингтона массам внушают, что во всем виноват главный чиновник – президент, хотя в мире правят не президенты, а классы. Президент РФ – всего лишь ставленник сырьевого капитала, именно по заказу нефтяных магнатов после падения барреля Кремль обрушил рубль, чтобы те возместили свои убытки за счет всей остальной России.

Рабочие ненавидят гендиректора завода и присосавшихся заводских чиновников, но не хотят понимать, что это лишь работодатели, представители собственника завода, подчиненные буржуа.

Буржуа представляется рабочим чем-то безобидным: разве плохо иметь много денег?!
Иметь много денег – вот о чем мечтает каждый, не соображая, что деньги берутся путем эксплуатации чужого труда, в первую очередь, труда того, кто у станка мечтает о богатстве.

Рабочие воспринимают религию точно так же: как нечто не противостоящее им, будто у них есть свобода принимать или не принимать ее, будто сама по себе религия не мешает и даже помогает.
Рабочие не понимают, что любая религия – это мракобесие, что любая церковь служит буржуазному государству. То есть: служит подавлению рабочего класса.

Еще вчера рабочие были перевязаны с теми, кто сегодня строит загородные дворцы, кто сегодня чурается здороваться даже с бывшими друзьями из мелкого бизнеса. Масса рабочих была перевязана с криминалом, который сегодня устроен в бизнесе.
Максимум, кого из богатых либералы разрешают ненавидеть – это олигархи. Причем далеко не все, а лишь те, кто в окружении Путина, все прочие олигархи, особенно евреи, азербайджанцы, татары, которые реально действуют против России – не включены в список ненавидимых.
Нет ничего зорного в богатстве, твердят либералы (и массы сочувствуют), бедные – это лузеры, ленивые, говорит Новодворская, они ненавидят богатых только потому, что завидуют. Бизнес собирает рабочих, пишет Юлия Латынина.

С другой стороны, в деле оболванивания масс с либералами сотрудничают бок о бок патриоты-антисемиты-националисты-православные. Они обвиняют как раз еврейский капитал, русские олигархи исключены из списка ненавидимых. Хотя жадность, служение Мамоне – характерная черта подавляющего числа именно русских, начиная председателями ТСЖ, УК до чиновников районных муниципалитетов, мелкого и среднего бизнеса и заканчивая русскими олигархами. Причем русский капитал, даже олигархический, вдвое перевешивает еврейский. Он правит бал, он главный виновник российского беспредела, он не менее компрадорский, не менее проамериканский.

Как писал Маркс в статье «К еврейскому вопросу»: «Эмансипация евреев есть эмансипация человечества от еврейства». Т.е. от торгашества.

Вместе с либералами и шовинистами трудится КППФ, выступая против забастовок, вовлекая буржуа в свои ряды. Надо было додуматься – выдвинуть кандидатом в президенты рублевого миллиардера, со счетами в оффшорных зонах, с недвижимостью за границей, обманувшего пайщиков «совхоза», выселяющего рабочих из квартир, увольняющего рабочих, платящего мизерную зарплату наемным рабочим, сдающего в аренду иностранцам золотую землю близ Москвы.

И, разумеется, власти делают всё, чтобы классовый подход не проявился в массах, чтобы даже слово «буржуазия» нигде не звучало. Как говорил французский журналист Ролан Барт, буржуазию можно определить как класс, который не хочет быть названным.

Единственная идеология правящего класса – пропаганда единства нации, то есть, якобы единства бедных и богатых, ограбленных и грабителей.

С самого своего возникновения КППФ не только подняла на знамя тезис «социального партнерства», т.е. мирного сожигания рабочих и буржуа, но и стала пропагандистом православия.

В свою очередь, основная функция любой религии - пропаганда смирения, непротivления злу насилieм. РПЦ в этой пропаганде преуспела.

Поразительно: при огромном количестве среди рядовых граждан приверженцев Октября, СССР, людей, отвергающих капитализм – нет элементарного понимания, что класс буржуа есть враг рабочего класса.

В статье «Л. Н. Толстой» Ленин пишет о расправе над священнослужителями:

«Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к "великому писателю" и в то же время защищая "святейший" синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой "раскаялся". Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки» ("Социал-Демократ" №18, 16 (29) ноября 1910 г.)

«Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами, - пишет далее Ленин. - Они отделяются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о "голосе цивилизованного человечества", о "единодушном отклике мира", об "идеях правды, добра" и т.д., за которые так бичевал Толстой - и справедливо бичевал - буржуазную науку. Они **не могут** высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, - не потому, что мешает

цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! - а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму...» (там же)

Посмотрите на великую разницу между предреволюционной эпохой и современной Россией:

«Русские **рабочие почти во всех больших городах России** уже **откликнулись** по поводу смерти Л.Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, - к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства. В общем и целом это отношение выражено в напечатанной в газетах телеграмме, посланной **рабочими депутатами III Думы**» (Ленин, Л. Н. Толстой и современное рабочее движение. "Наш Путь" № 7, 28 ноября 1910 г. Подпись: В. И-ин).

Современные российские рабочие уже ни на что не откликаются.

Борис Ихлов, 4.12.2109